

О БОЯРСТВЕ ПЛОТНИЦКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Оформившиеся в конце XIII в. в качестве новых равноправных членов новгородской городской федерации¹, Плотницкий и Загородский концы² вышли на политическую арену в первую очередь в лице представлявшей эти территориально-административные единицы боярской верхушки. Происхождению и составу боярства Плотницкого конца и посвящается предлагаемая статья.

В вопросе о формировании новых концов Новгорода популярна схема так называемого обояривания, т. е. подчинения боярскому влиянию населения предшествовавших концам «внекончанских посадов»³. Но возникает естественный вопрос: какие бояре здесь имеются в виду? Полагая наиболее важными внутренними, а не внешние предпосылки образования новых концов, было бы вполне логично говорить о присутствии на территории будущих концов неких «внекончанских бояр», выражающих местные интересы.

В случае с Загородским концом ситуация более прозрачная (боярство Прусской улицы⁴), а вот с Плотницким все выглядит сложнее. Плотницкие «внекончанские» бояре, в отличие от прусских, нам неизвестны⁵. Ближайшими (территориально) боярами здесь были славенские, но элементарная логика, основанная на отнюдь не радужных отношениях соседей по Торговой стороне, подсказывает, что уж если кто и «обояривал» будущий Плотницкий конец, то только не они.

В. Л. Янин, говоря о прусско-плотницкой боярской группировке, утверждал, что основа для ее создания была заложена еще на ранней стадии истории Плотницкого конца, когда инициатива освоения северной части Торговой стороны находилась в руках прусских бояр, следовательно, им и принадлежала решающая роль в «обояривании» этого района города. А своеобразным «индикатором» расширения Плотницкого конца за Федоровский ручей стало появление здесь в XIV в. патронимий бояр, переселившихся сюда из Людина и Загородского концов⁶.

Вовсе не умаляя значения связей прусского и плотницкого боярства и не отрицая потенциал прусского «боярского десанта» в урочище Плотники⁷, тем не менее, не стоит забывать и о самом достаточно специфическом населении «молодого» Плотницкого конца. По определению В. Л. Янина, новгородские бояре составляли непополняемую касту аристократов и были обязаны своей сословной принадлежностью только происхождением от старейшины древнейшего периода новгородской истории. Исключительной привилегией боярского сословия на протяжении всего

¹ Используя здесь и далее по отношению к Новгороду термин «федерация», следует подчеркнуть его условность, поскольку Новгородская республика отвечала далеко не всем признакам федеративного государства (подробнее см.: Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 101. Прим. 1).

² Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода. С. 101—118.

³ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 105; Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI—XV вв. по историческим материалам Новгорода и Пскова. АДД. СПб., 2002. С. 13.

⁴ Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 247.

⁵ В принципе, к таким боярам может быть отнесен предполагаемый внук Евстафии-Завида посадник Завид Дмитриевич — выборный посадник 1118 г., который, будучи ставленником князя, после своего избрания на посадничество, по-видимому, может быть приравнен к традиционному новгородскому боярству (см.: Дубровин Г. Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 58), однако его потомков периода формирования Плотницкого конца (2-й половины — конца XIII в.) мы не знаем.

⁶ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 91. Боярские усадьбы середины XIV — середины XV в. в районе Никитиной и Маницыной улиц были исследованы на Никитинском раскопе (Дубровин Г. Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 16—18).

⁷ Под урочищем Плотники подразумевается территория Плотницкого конца к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья (Дубровин Г. Е. О территориальных границах Плотницкого конца Новгорода // Новгородский архивный вестник. 2007. № 6. С. 25—28).

времени существования республики было право занятия главной республиканской должности — посадника⁸. Все это хорошо подходит для боярства трех «старых» концов, т. е. Неревского, Людина и Славенского, и в большой степени для «молодого» Загородского, во главе которого стояла традиционно боярская Прусская улица.

Что же касается Плотницкого конца, то сведение его боярства к выходцам с Прусской улицы и других улиц Загородского и Людина концов вряд ли исчерпывает реальную ситуацию, сложившуюся в период формирования этой новой территориально-административной единицы. Ведь в состав населения предшествовавшего Плотницкому концу «внекончанского посада» северной части Торговой стороны, несмотря на очевидно преобладавший ремесленно-купеческий элемент, входили и весьма обеспеченные и амбициозные выходцы из княжеского окружения: огнищане, бывшие дружинники и т. д.⁹. Естественно, не в их интересах была передача представительских кончанских полномочий в высшей магистратуре исключительно прусам. Вероятно, это могло создать предпосылки для экстраординарного в новгородской истории случая нарушения кастовой замкнутости боярского сословия и появления «новых плотницких бояр», родословная которых не соответствовала общепринятым нормам.

В связи с этим представляет интерес гипотеза В. Д. Назарова, поставившего под сомнение тезис об абсолютной сословной замкнутости новгородского боярства. Исследователь предположил, что представители существовавшей в Новгороде в XI—XIII в. многочисленной элитарной группы, связанной с функционированием институтов княжеской власти в обширном княжеском домене, скорее всего, все-таки могли вливаться в состав новгородского боярства. При этом отмечалось, что наиболее благоприятные условия для этого складывались на протяжении XIII в. (особенно в последней его трети¹⁰), когда «растущая антикняжеская консолидация новгородских верхов не могла не сопровождаться какими-то сословными переменами, прежде всего, известным расширением самого боярства, поскольку из источников не видно образования в это время каких-то иных привилегированных групп»¹¹. Разделяя основные положения версии В. Д. Назарова, Е. Н. Носов писал о том, что поселившиеся в Новгороде огнищане, происходившие от высшего слоя княжих мужей, по мере роста своей экономической самостоятельности могли входить в состав новгородской аристократии, сохраняя при этом традиционные связи с княжеской властью¹².

Добавить здесь можно только то, что, во-первых, обозначенная исследователями элитарная группа, включавшая в себя и огнищан, территориально была связана в первую очередь с районом будущего Плотницкого конца¹³, а, во-вторых, процесс формирования нового конца не мог проходить без активного участия представителей этой группы, создавая последним наиболее благоприятные условия для возможности вхождения в высшее сословие новгородского общества. Хочется подчеркнуть, что при всей гипотетичности такой версии она имеет право на существование, поскольку основывается на *исключительности* ситуации формирования нового кончанского образования с довольно специфическим составом населения и вхождения его в уже существующую федеративную республиканскую структуру, в свою очередь, видоизменяющуюся в результате этого процесса.

Что же касается конкретных персоналий, которых можно было бы привести в качестве примера возможных «новых плотницких бояр», то лучше всего для этой цели подходят посадники

⁸ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 213.

⁹ Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода. С. 104; *Его же*. «Докончанский» период истории Плотницкого конца средневекового Новгорода (в печати).

¹⁰ Именно к этому времени мы относим образование Плотницкого и Загородского концов (Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода. С. 101–114).

¹¹ Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике. (К выходу книги В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981») // История СССР. 1984. № 2. С. 119.

¹² Носов Е. Н. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 48.

¹³ Дубровин Г. Е. «Докончанский» период истории Плотницкого конца средневекового Новгорода.

Остафья Дворянинец и его брат Александр, плотницкая принадлежность которых доказана В. Л. Яниным¹⁴. В. Д. Назаров обратил внимание на то, что фамильное прозвище братьев — «Дворянинцевы» — может быть связано с тем, что их отец (дед или прадед) был дворянином, т. е. в изначальном смысле этого слова — членом «княжеского двора», а в более позднем — судебным приставом, причем в Новгороде не только княжеского, но и собственно новгородского суда, а стало быть, эта боярская фамилия явно не восходит к родоплеменной аристократии древнейшей поры¹⁵.

Судьба, по-видимому, не имевшего традиционной боярской родословной «нового плотницкого боярина» Остафьи Дворянинца была весьма драматичной. Впервые он упоминается как тысяцкий вместе с посадником Варфоломеем (Юрьевичем) в тексте мирного договора Новгорода с Норвегией, датированного 3 июня 1326 г.¹⁶

Затем в летописной статье за 1327 г. сообщается, что в результате мятежа был разграблен и сожжен его двор¹⁷. Неизвестна причина этого нападения. Можно лишь сказать, что направлена эта акция была персонально против Остафьи и поскольку в летописи использован термин «мятеж», то проводилась она отнюдь не по приговору веча. В любом случае этот инцидент характеризует Остафью как влиятельного и зажиточного боярина. О зажиточности Остафьи Дворянинца может свидетельствовать и берестяная грамота № 948, найденная на усадьбе Б Никитинского раскопа, судя по всему, позднее связанной с плотницкими посадниками Есифом Захарьиничем Носом и/или его сыном Василием Есифовичем Носом. В тексте грамоты, в частности, говорится о передаче выжли (гончей собаки) некоему Остафье¹⁸, которого с определенной долей вероятности можно отождествить с Дворянинцем. Данное обстоятельство свидетельствует о достаточно высоком социально-имущественном статусе упомянутого Остафьи, поскольку вряд ли рядовые новгородцы могли себе позволить держать дорогих гончих псов. Грамота датируется 10–50-ми годами XIV в. (более узкая, наиболее вероятная датировка — 40–50-е годы), что в основном совпадает со временем жизни и деятельности Остафьи Дворянинца¹⁹.

Остафья упоминается как тысяцкий также в 1331 г. при неревском посаднике Варфоломее Юрьевиче и в 1335 г. при прусском посаднике Федоре Даниловиче²⁰.

По В. Л. Янину в 1335 или в начале 1336 г. Остафья Дворянинец сменяет в кончанском представительстве от Плотницкого конца Захарию Михайловича. Обосновывается эта дата тем, что еще в 1335 г. Остафья был тысяцким, а в 1336 г. тысяцким становится Авраам. Это может свидетельствовать о том, что отказ Остафьи от должности тысяцкого был связан с освободившейся вакансией в кончанском представительстве в посадничестве, вероятно, в результате смерти Захарии Михайловича²¹.

Следует отметить, что перед этим осенью 1335 г. имело место противостояние между Торговой и Софийской сторонами²². Учитывая, что в это время боярство Славенского конца все еще оставалось лишенным возможности активного участия в городской политической жизни, а также то обстоятельство, что противостояние сторон происходило, судя по всему, в конце года, т. е. перед перевыборами посадника, можно предположить, что конфликт был связан или с попыткой славенского боярства выдвинуть своего представителя в элитную посадничью группу,

¹⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 23.

¹⁵ Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике. С. 119.

¹⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНиП). № 39. С. 69.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. М., 2000 (далее — НПЛ). Т. III. С. 98, 341.

¹⁸ Зализняк А. А., Носов Е. Н., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 года // Вопросы языковедения. 2004. № 3. С. 21–22.

¹⁹ Дубровин Г. Е. О комплексе берестяных грамот Никитинского раскопа в Новгороде // Российская археология. 2009. № 2. С. 93–95.

²⁰ НПЛ. С. 343–344, 346.

²¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 258.

²² НПЛ. С. 347.

или же здесь имело место предвыборное столкновение традиционных противников: неревских и прусско-плотницких бояр. При этом ситуация усугублялась тем, что две высшие государственные должности в Новгороде занимали в это время представители последних — посадник Федор Данилович с Прусской улицы и тысяцкий Остафья Дворянинец из Плотницкого конца. Конфликт был погашен: «...нь Богъ ублюде и снидошася в любовь»²³. Скорее всего, какой-то компромисс был достигнут за счет вмешательства духовенства, как обычно и бывало в подобных ситуациях. Не исключено, что в результате посадником мог стать представитель Неревского конца Матфей Варфоломеевич Коска, однако документальных подтверждений этому нет. Вполне вероятна связь между этим инцидентом и изменением в составе плотницкого кончанского представительства (например, конфликт мог ускорить смерть Захарии Михайловича).

Итак, после смерти Захарии Михайловича Остафья Дворянинец становится представителем в посадничестве от Плотницкого конца, а в 1340 г. он избирается посадником²⁴. Его посадничество ознаменовалось изгнанием из Торжка сборщиков дани князя Симеона Ивановича московского, незадолго до этого получившего великое княжение после смерти своего отца Ивана Даниловича Калиты²⁵.

В 1345 г. (когда в Литве насильственным путем приходит к власти Ольгерд Гедиминович) Остафья снова упоминается как посадник, но в том же году он теряет посадничество в пользу Матфея Варфоломеевича, причем летописец специально отмечает, что смена посадников прошла мирно («Божиею благодатью не бысть между ими лиха...»²⁶). Это лишний раз свидетельствует о продолжавшемся соперничестве между прусско-плотницкими и неревскими боярами, выразившемся тремя годами ранее в конфликте прусского посадника Федора Даниловича и плотничанина Ондрешки с неревскими боярами Онцифором Лукиничем и Матфеем Варфоломеевичем Коской (соответственно, сыном и братом убитого в Заволочье, якобы по указанию Федора и Ондрешки, Луки Варфоломеевича)²⁷. На этот раз, казалось бы, все прошло спокойно, но последствия перехода власти к неревлянам сказались несколько позже.

В 1346 г. Остафья был убит на вече по оговору напавшего на новгородские волости Ольгерда Гедиминовича. Тот объявил Остафью виновником своего похода, поскольку в бытность свою посадником Остафья якобы называл его псом²⁸. Подобные высказывания Остафьи могли прозвучать в прошлом 1345 г. как реакция на «замятню» в Литве, когда два брата Гедиминовича — Ольгерд и Кестутий — захватили Вильно, сместив своего брата великого князя литовского Евнутия Гедиминовича, который бежал сначала в Смоленск, а затем в Москву к Симеону Ивановичу Гордому (где был крещен и наречен Иоанном)²⁹.

Как бы там ни было, но испугавшиеся литовской угрозы новгородцы поступили не лучшим образом, принеся в жертву своего бывшего посадника, причем, судя по всему, новый посадник Матфей Варфоломеевич Коска был не против такой расправы с давним политическим противником.

Карьера Остафьи Дворянинца, бывшего тысяцким, а затем посадником, была нетипична для более раннего периода новгородской истории, но в дальнейшем известны бояре, повторившие его путь по республиканской должностной лестнице (например, происходившие из рода Михаила Павшинича плотничане Есиф Васильевич и его сын Василий Есифович, носившие фамильное прозвище Нос, — см. ниже). В. Л. Янин отмечал, что еще в XIII в. списки посадников и тысяцких не пересекались между собой³⁰. Лишь в XIV в. это правило стало нарушаться. Характерно, что

²³ Там же. С. 347.

²⁴ Там же. С. 352.

²⁵ Там же. С. 353.

²⁶ Там же. С. 358.

²⁷ Там же. С. 356.

²⁸ Там же. С. 358–359.

²⁹ Там же. С. 358.

³⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 209.

первым из известных нам тысяцких, ставшим затем посадником, оказывается «новый плотницкий боярин» Остафья Дворянинец. По-видимому, этот случай следует рассматривать в контексте таких явлений, как преобразование новгородской государственности конца XIII — рубежа XIII/XIV в., а также нарушение кастовой замкнутости новгородского боярства и появление на политической арене бояр «нового типа», обусловленного образованием «молодого» Плотницкого конца. Новая ситуация, связанная с расширением городской федерации за счет появления вновь оформившихся кончанских единиц и соответствующего элитарного контингента, пополнившего ряды «традиционного» новгородского боярства, вероятно, повлияла и на независимость номенклатуры посадников и тысяцких. Отныне должность тысяцкого перестала быть пределом карьерных вожделений определенных боярских фамилий, а превратилась для некоторых бояр в последнюю ступеньку перед посадничеством. Правилom это не стало, но в некоторых случаях именно так и происходило.

В 1346 г. после гибели Остафьи Дворянинца в посадничьем представительстве от Плотницкого конца, по мнению В. Л. Янина, ему на смену пришел его брат Александр³¹.

Показательно, что среди прусов, изгнанных в 1351 г. из Новгорода вместе с посадником Федором Даниловичем, был, судя по всему, Андреян Захарьинич (внук Михаила Павшинича — см. ниже), ставший впоследствии представителем в посадничестве от Плотницкого конца, но в то же время отсутствовал Александр Дворянинцев³². С одной стороны, это может быть связано с тем, что Александр, возможно, не участвовал в боевых действиях против шведов, следствием которых и был военный переворот 1351 г.³³ со всеми вытекающими последствиями. С другой стороны, что более вероятно, «новый плотницкий боярин» Александр Дворянинцев, равно как и его брат Остафья, не ассоциировался у новгородцев с указанной группой опальных бояр с Прусской улицы, проще говоря, не имел на этой улице своей усадьбы, а проживал непосредственно на территории Плотницкого конца. Это обстоятельство лишний раз подтверждает гипотезу относительно особого положения и нетрадиционного для новгородского боярства происхождения Остафьи и Александра.

В 1354 г. неревлянин Онцифор Лукинич добровольно отказался от посадничества. Посадничество было передано по версии Комиссионного списка Новгородской первой летописи Обакуну Твердиславичу (тысяцкое — Александру Дворянинцеву), а по версии Новгородской четвертой летописи — Александру Дворянинцеву³⁴. В. Л. Янин трактует это событие как реформу посадничества, которая привела к полной смене кончанских представителей. Основой для такой гипотезы является анализ посадничьих списков, из которого, по мнению ученого, следует, что после 1354 г. в элитной посадничьей группе появляется сразу (?) пять новых бояр, которые могли претендовать на кончанское представительство, включая и ранее отстраненный Славенский конец³⁵. По поводу же Александра Дворянинцева В. Л. Янин высказал предположение, что он был или «дореформенным посадником» (полагая, что во время реформы «произошла полная замена элитной посадничьей группы), или же этого персонажа вообще не было, а был другой Александр — брат Ивана Муторицы, упомянутый в посадничьих списках³⁶. В общем, эпизод достаточно неясный, однако, на наш взгляд, все-таки, исходя из тех же посадничьих списков³⁷, можно вполне допустить и существование, и посадничество Александра Дворянинцева (в 1354 г.).

В 1360 г. во время поездки на поставление во Владимир новгородского владыки Алексия в числе его сопровождавших был некий посадник Александр³⁸. Невольно напрашивается вопрос:

³¹ Там же. С. 268–269.

³² НПЛ. С. 362.

³³ По определению В. Л. Янина (см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 269).

³⁴ НПЛ. С. 364; ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 286.

³⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 269–278.

³⁶ Там же. С. 278.

³⁷ НПЛ. С. 164, 472.

³⁸ Там же. С. 366.

какой именно Александр здесь имеется в виду? Есть две кандидатуры, представленные в посадничьих списках А и Б. Это Александр Дворянинцев и Александр, брат посадника Ивана Семеновича Муторицы. Если следовать версии В. Л. Янина о полной смене состава элитной посадничьей группы, то Александр Дворянинцев должен был вместе с остальными «старыми» посадниками отойти от дел. Однако если все-таки верить сообщению Новгородской четвертой летописи о посадничестве Александра Дворянинцева в 1354 г. (см. выше), то, вполне вероятно, что вместе с владыкой во Владимир в 1360 г. ездил именно он³⁹. Это вовсе не свидетельствует о том, что в тот момент он занимал посадничью должность, поскольку уже тогда в некоторых случаях (хотя и не всегда) члены элитной посадничьей группы именовались посадниками. К сожалению, больше ничего об Александре Дворянинцеве не известно.

Кроме братьев Дворянинцевых, существует еще ряд элитных персонажей, связанных с Плотницким концом, родословная которых неизвестна, и, следовательно, они потенциально также могли являться так называемыми новыми плотницкими боярами. Среди них основатели Никольского Сокольничьего монастыря прп. братья Алфановы, а также родственные им новгородские изменники Алфан и Иван Микитины (упом. 1389–1418 г.)⁴⁰; сподвижник прусского посадника Федора Даниловича Андрей (Ондрешко) (упом. 1329–1342 г.) и его сын тысяцкий Семен Андреевич (упом. 1360–1372 г.), построивший вместе со своей матерью каменный храм св. Федора Стратилата на Ручью.

Конечно же, были (и даже преобладали) среди плотницкой элиты бояре с традиционной родословной. Например, потомки основателя династии плотницких посадников Михаила Павшинича, происходившего из рода знаменитого прусского посадника Михалки Степановича⁴¹. Первые признаки связи этого боярского рода с территорией будущего Плотницкого конца прослеживаются еще в середине XIII в., когда в 1255 г. после изгнания из Новгорода княжича Василия, сына и наместника Александра Ярославича Невского, и попытки посадить на новгородский стол князя Ярослава Ярославича сопротивление «менших» шедшему с карательной экспедицией на Новгород Александру Ярославичу сосредоточилось на Торговой стороне. Во главе этого сопротивления стояли посадник — прусский боярин Онания Феофилактович, дед Михаила Павшинича, и тысяцкий Клим (Климент). Сосредоточившиеся же на Софийской стороне «вятские» во главе с прусским боярином Михалкой Степановичем, наоборот, поддерживали Александра⁴². Позицию посадника Онании Феофилактовича, вставшего вместе с тысяцким во главе «менших» против «вятских», т. е. против бояр «старых» концов и Прусской улицы, с одной стороны, можно объяснить личной враждой Онании к Александру Ярославичу, а с другой — существовавшими, по-видимому, уже тогда, т. е. в 50-е годы XIII в., связями какой-то части прусского боярства, к которому посадник принадлежал, с «меншим» внекончанским населением северной части Торговой стороны, в дальнейшем преобразованной в Плотницкий конец, заметную часть боярства которого в будущем составили выходцы с Прусской улицы, в частности потомки самого Онании⁴³.

Среди них внук Онании Феофилактовича — первый плотницкий посадник Михаил Павшинич (упом. 1309–1316 г.), сын Михаила Павшинича посадник Захария Михайлович (упом. 1332–1335? г.), сыновья Захарии посадники Андреян Захарьинич (упом. 1351?–1372 г.) и Есиф Захарьинич Нос (упом. 1384–1409 г.), сын Андреяна посадник Кирилл Андреевич

³⁹ Кстати, из этого можно сделать вывод, во-первых, что, элитная группа в 1354 г. обновилась не полностью, а лишь частично, и во-вторых, что после 1354 г. можно говорить о двойном представительстве в посадничестве от Плотницкого конца (ведь в 1359 г. посадником был плотничанин Андреян Захарьинич), о чем, кстати, в одной из своих работ писал и В. Л. Янин (*Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.* С. 28).

⁴⁰ *Дубровин Г. Е.* Легенды о братьях Алфановых // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2006. № 3 (25). С. 35–47.

⁴¹ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 15.

⁴² НПА. С. 80–81, 307–308. Руководитель «вятских» был родственником Онании и двойным тезкой их общего предка Михалки Степановича (*Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.* Схема 28).

⁴³ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 132, 138–139, 142.

(упом. 1390—1409 г.), сыновья Есифа посадники Василий Есифович Нос (упом. 1405—1420 г.) и Афанасий Есифович Свекла (упом. 1405 — кон. 40-х — 50-е годы XV в.), сын Василия Носа Лука Васильевич (косв. упом. 50-е и 70-е годы XV в.) и внук — посадник Иван Лукинич Щока (упом. 1436/1438 — 70-е годы XV в.). О связи представителей этого рода с Плотницким концом, в частности с Маницыной улицей, наряду с письменными источниками и выкладками В. Л. Янина, свидетельствуют также археологические материалы Никитинского раскопа⁴⁴. Характерно, что эти бояре были связаны не только с Плотницким концом, но также с Прусской улицей и, соответственно, Загородским концом⁴⁵.

По-видимому, также имел традиционное боярское происхождение известный деятель последних лет существования Новгородской республики плотницкий посадник Яков Федоров — сын людинского посадника Федора Яковлевича. В большинстве источников он упоминается вместе со своим братом Лукой, представлявшим в посадничестве Людин конец⁴⁶. Плотницкую принадлежность Якова Федорова можно обосновать следующим образом. На переговорах с великим князем Иваном Васильевичем в конце 1477 — начале 1478 г. в новгородскую делегацию входило пять посадников, т. е. в данном случае, безусловно, имело место кончанское представительство. При этом от прусско-плотницкой группировки здесь были: Феофиласт Захарьин от Загородского конца, Лука Федоров от Людина конца (см. прим. 46) и брат Луки Яков Федоров, которого в таком случае однозначно можно считать плотницким посадником⁴⁷. Здесь мы наблюдаем довольно любопытную картину, когда родные братья являются представителями в посадничестве от двух разных концов Новгорода, хотя и в рамках единой прусско-плотницкой боярской группировки. В отличие от отца и брата Якова Федорова (Федора Яковлевича и Луки Федорова), живших на территории Людина конца, мы не знаем, где находилась усадьба Якова, но, исходя из вышесказанного, скорее всего, она должна была находиться в Плотницком конце, являясь, по-видимому, одним из городских владений их рода — ситуация вполне возможная и наблюдавшаяся также у потомков Михаила Павшинича (см. выше).

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно говорить о том, что специфика процесса формирования «молодого» Плотницкого конца, а также своеобразный состав населения предшествовавшего концу «внекончанского посада» обусловили нетипичный для новгородских «старых» концов состав плотницкой боярской элиты, вставшей во главе этой новой территориально-административной единицы. В нее, наряду с обладавшими традиционной боярской родословной выходцами из боярских родов Прусской улицы и Людина конца, вошли также и так называемые новые плотницкие бояре — представители населения упомянутого «внекончанского посада» — зажиточные и социально активные потомки людей из княжеского окружения (огнищан, гридей), что по сути своей создало беспрецедентный в новгородской истории случай нарушения замкнутости касты высшего слоя новгородской аристократии.

⁴⁴ Дубровин Г. Е. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. С. 16—18; *Его же*. О комплексе берестяных грамот Никитинского раскопа в Новгороде. С. 101—103.

⁴⁵ См.: Янин В. Л. Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Часть 1: Прусско-плотницкая группа // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 4.

⁴⁶ Об этом свидетельствует то, что на Коростынских переговорах 1471 г. после Шелонской битвы в составе новгородской делегации были пять посадников, что подразумевало кончанское представительство. Кроме плотницкого посадника Ивана Лукинич Щоки, прусско-плотницкую группировку здесь представляли также Феофиласт Захарьинич и Лука Федоров(ич). Славенский и Неревский концы представляли соответственно посадники Иван Васильевич (Немир Шенкурский) и Яков Александрович (Короб) (ГВНИП. № 25—27. С. 44—45, 48; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 69—70). Известно, что дворы Захарьиных были на Роговке около Прусской улицы (Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 169; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 70), а Лука Федоров жил на Добрыне рядом со своим отцом посадником Федором Яковлевичем, чья усадьба была на соседней Волосове улице (ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. Стб. 211; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. С. 68). Отсюда можно сделать вывод, что Феофиласт Захарьинич, скорее всего, был представителем в посадничестве от Загородского конца, а Лука Федорович — от Людина.

⁴⁷ ПСРЛ. М., 2001. Т. VIII. С. 187, 191; ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 2. Стб. 261, 268.